

Глава 26. Возвращение домой (Часть 2)

— Тётушка Чжан, я вернулся!

— Дядюшка Ли, сколько лет, сколько зим!

— Ой, бабушка Сунь, ну что вы, мне даже неудобно... Ну ладно, передам матушке, спасибо!

— Вторая тётя, вы всё так же прекрасны!

— Что?! Соседский Гоудань женился? А я всё ещё в холостяках? Вот же прохвост, не дождался друга!

— Неужели та самая девица Ли из усадьбы Чжоу? Повезло же паршивцу...

Мо Ханьчи не закрывал рта с самой окраины. Казалось, в этом городке не было человека, которого бы он не знал; даже придорожные псы при его виде приветливо виляли хвостами. Объяснялось всё просто: городок был настолько крошечным, что любая новость разлеталась мгновенно. Стоило чьей-нибудь курице снести лишнее яйцо утром, как к обеду об этом судачили на каждом углу. Так что известие о возвращении «блудного сына» — событие поистине вселенского масштаба — достигло ушей его матери задолго до того, как сам Ханьчи показался на пороге дома.

— Ой, матушка! Сын вернулся! — Ханьчи невольно сжался, едва завидев родительницу.

Детские страхи оказались живучи. Его мать была типичной хозяйкой из небогатой семьи: юбка из простого полотна в цветочек, серебряная шпилька в волосах и фигура, изрядно раздавшаяся с годами. Красавицей её назвать было трудно, но сейчас, стоя посреди самой широкой улицы и уперев руки в бока, она выглядела величественно и грозно. В одной руке у неё, словно скипетр, зажата была метла.

— Ах ты, негодник! И чего тебя там, на чужбине, лихо не прибрало?! — голос её гремел на весь уезд.

— Матушка... — Ханьчи попятился.

Та двинулась на него решительным шагом. Не тратя слов на приветствия, она крепко схватила сына за ухо и потащила к дому, словно нашкодившего щенка.

Ло Си едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос; лицо его застыло в болезненной гримасе от попыток сохранить серьёзность. Он и представить не мог, что мать бывает настолько... боевой. Самого Ло Си с пелёнок пестовали няньки. В его памяти матушка осталась

хрупкой, болезненной красавицей, которая каждый раз, когда отец гневался, со слезами на глазах умоляла о пощаде. Для Ло Си образ матери всегда был воплощением нежности и слабости. Глядя на родительницу Ханьчи, он осознал, как мало знал об этом мире.

Когда Ханьчи за шиворот вбросили во дворик, Ло Си и Су Цзии неспешно вошли следом. Он старался не замечать страдальческую мину друга, в глубине души считая, что тому не мешало бы получить хорошую взбучку. Су Цзии лишь неловко улыбалась.

— Я тебе дам «Куньлунь»! Я тебе покажу «бессмертие»! — причитала мать, размахивая метлой. — Вот переломаю тебе ноги, посмотрим, как ты в такую даль снова убежишь! Смерти моей хочешь, паршивец? Совсем оперился, крылья выросли?! Бросил отца с матерью на произвол судьбы!

Ханьчи метался по двору, уворачиваясь от ударов.

— Матушка, ну я же вернулся! — вопил он на бегу.

Маленький дворик мгновенно превратился в поле боя. Куры в ужасе разлетались в стороны, а дворовый пес Дахуан, сочтя забаву чрезвычайно увлекательной, носился следом, заливаясь радостным лаем.

— Мам, ну друзья же смотрят! Имейте совесть, ну позорище же... Ай! Больно! Всё, не бейте, не бейте! — завывал Ханьчи.

Всё-таки годы брали своё: матушка начала запыхаться. Как ни крути, за сыном-даосом ей было не угнаться. Сердце Ханьчи ёкнуло, когда он увидел, как она побледнела и схватилась за грудь. Мигом забыв о «позоре», он подбежал к ней и послушно опустился на колени. Всё равно его нынешняя кожа была куда крепче любой метлы.

— Ладно, мам, бейте. Я заслужил.

Та занесла метлу над головой, но она помедлила и замерла. Ханьчи зажмурился, ожидая удара, но его не последовало. Открыв глаза, он увидел, что мать заплакала. Бросив метлу, она крепко обняла его.

— Глупый ты мальчишка... Ушёл, оставил только записку. Неужели всё наше воспитание, вся наша любовь только одного письма и стоили? Уйти в монахи — значит оборвать все земные узы. Ты хоть понимаешь, Ханьчи, каково мне было? Я ведь думала, что потеряла тебя навсегда.

— Ну полно, полно тебе. Вернулся ведь живой и здоровый, — раздался спокойный голос отца Мо.

Он вышел на крыльцо, неся в руках чайник и несколько старых чашек с налётом от заварки.

Расставив их на каменном столе во дворе, он кивнул гостям: — Присаживайтесь. Знаю, наш горький чай вам не по вкусу, так что матушка как раз приготовила отвар из семян лотоса. Прodelать такой путь из самого Куньлуня... Молодцы, дети, непростое это дело.

— Спасибо, дядя, — Су Цзии, мучимая жаждой, приняла чашку и осушила её залпом.

В доме Мо всё было просто и бесхитростно — здесь не было места церемониям и сложному этикету. Ло Си, привыкший к строгому порядку, почувствовал, как напряжение последних дней наконец-то отпускает его.

— Ханьчи, хватит сидеть сиднем. Иди вымой персики и угости друзей, — распорядилась матушка.

Ханьчи, мигом повеселев, вприпрыжку умчался к колодцу.

— Вы уж простите, если Ханьчи доставил вам хлопот, — обратилась мать Мо к гостям. — Ох, и непутёвый он у нас с детства. Сердце-то доброе, да в голове сквозняк. Если начнёт вредничать — не церемоньтесь с ним, дерите как следует, мы только спасибо скажем.

Су Цзии не выдержала и прыснула. Ло Си поморщился — его собственные родители никогда бы не позволили себе подобных откровений.

— Мам, ну пощади мою репутацию! — Ханьчи вернулся с корзиной персиков, закатав рукава и уплетая один на ходу.

Ло Си на мгновение замер. Это зрелище — шумный двор, ворчливая, но любящая мать, сочный фрукт — отозвалось в нем странным чувством, будто он когда-то уже видел нечто подобное.

— Позвольте представить, — торжественно начал Ханьчи, — это мои соратники из Куньлуня. Вот эта прекрасная барышня — Су Цзии. По старшинству она мне шишу, дочка Короля Медицины и... моя будущая жена! Ну посмотрите, какая красавица, а?

Ло Си и Су Цзии едва не поперхнулись.

— А этот угрюмый парень — Ло Си. Мой лучший названный брат. Матушка, я привел вам ещё одного сына! — Ханьчи продолжал, не замечая, как друзья разгневались. — Вон тот мелкий, что с собакой играет — Сяо Саньцзы, мой подручный. А этот малыш на руках у Су Цзии — Бай У, обещал знакомым присмотреть за ним.

На Ханьчи скрестились несколько взглядов, обещавших медленную и мучительную смерть.

— Кто твоя жена?!

— Чей я брат?

— Какой ещё подручный?!

— У-у-у... — подал голос младенец.

— Ох, горе моё... — вздохнула мать Мо. — И в кого ты такой бесстыдник? Как у других людей получают такие воспитанные и статные дети, а у меня — вот это?

— И всё же, — улыбнулся отец Мо, — Ханьчи нашёл себе действительно хороших друзей.

Вечером матушка устроила пир горой. Были приготовлены все любимые блюда Ханьчи, отчего тот растрогался до глубины души. Наелся он так, что едва мог шевелиться. Откинувшись на лавку и поглаживая круглый, как барабан, живот, он довольно рыгнул:

— Мам, ваше мастерство стало ещё круче!

— Ханьчи, ты рассказал друзьям о ночлеге? — спросил отец.

— А, да. Дом у нас небогатый, всего две свободные комнаты. Ло Си, перекантуешься со мной в моей старой спальне. Шишу Су с Бай У и Сяо Саньцзы займут вторую. Возражения не принимаются, — Ханьчи вопросительно взглянул на Ло Си. Тот лишь молча кивнул, отправляя в рот горсть риса; мысли его были где-то далеко.

— Сынок, что же ты один рис ешь? Совсем исхудал, — матушка заботливо положила в чашку Ло Си целую куриную ножку. — Ешь давай, а то подумаю, что тебе невкусно.

Ло Си был ровесником Ханьчи, но с того момента, как они переступили порог дома Мо, он почти не раскрывал рта. Его манеры и выправка выдавали благородное происхождение, и матушке Мо стало невыносимо жаль этого мальчика. В отличие от её собственного оболтуса, этот ребенок казался слишком взрослым для своих лет. В его взгляде читалась тяжесть, не свойственная юности.

— И как же родители отпустили такого славного мальчика на Куньлунь, тяготы терпеть? Видно же, что из благородных будете... — сорвалось у неё с языка.

— Мама! — Ханьчи схватился за голову. Он понимал, что должен был заранее подготовить её.

— Всё в порядке, Ханьчи, — Ло Си отложил палочки, лицо его осталось спокойным, но мертвенно-бледным. — Тётушка, три года назад в моей семье случилась беда. Родителей больше нет в живых.

— Ох, дитяtko... — Мать Мо замерла. Она положила свою натруженную, грубую ладонь на щеку Ло Си. — Если не побрезгуешь, считай этот дом своим. Пока у этого сорванца есть кусок хлеба, и у тебя будет. Мать сына видит насквозь — хоть Ханьчи и горазд на проказы, но тебя он любит как родного брата. Он ведь с малых лет о брате мечтал. То куклу себе соломенную сделает, то собак да кошек братьями-сёстрами нарекает...

— Ма-а-ам! — Ханьчи покраснел до корней волос, понимая, что сейчас вывалят всё грязное белье его детства.

— А один раз, — не унималась мать, — соседский мальчишка назвал его «братом», так этот простофиля стащил из дома курицу и подарил ему!

— Хватит! — Ханьчи вскочил, обрывая мать на полуслове. — Я спать хочу! Ло Си, идем, а то дверь закрою, и будешь ночевать в будке с Дахуаном!

Су Цзии и Сяо Саньцзы вовсю потешались над рассказами, но Ло Си, глядя на пунцового друга, внезапно почувствовал, как на сердце потеплело. Поблагодарив хозяев, он последовал за Ханьчи.

Они вошли в маленькую комнатку, пустовавшую три года. Внутри было темно, но Ло Си привычным жестом зажег масляную лампу.

— Откуда ты знаешь, где у меня лампа стоит? — удивился Ханьчи.

— Ночное зрение доступно уже на стадии Сюаньчжао. Не говори, что ты этого не знал.

— Забыл просто, — буркнул Ханьчи и с размаху рухнул на кровать. Какая же она мягкая! Мать, видать, каждый день здесь прибиралась. Он с наслаждением перекатился с боку на бок, взбив подушки, а затем бережно развернул сверток с мечом Бахуан. Клинок ответил легким алым мерцанием.

— Умаялся я за эти дни... Как там Бай У с Су Цзии, не разнесут ли дом? — пробормотал Ханьчи, скидывая сапоги и забираясь под одеяло.

— Ханьчи... прошло три года. Я хочу сходить на могилу родителей, — Ло Си стоял спиной, и голос его звучал глухо.

— Наконец-то ты заговорил об этом сам, — тихо отозвался Ханьчи.

— Пойдешь со мной? — Ло Си обернулся. На его лице играла слабая, почти просящая улыбка.

В неверном свете лампы Ло Си выглядел необычайно притягательно. Ханьчи на мгновение

замер, не в силах отвести взгляд. Он редко улыбался так открыто и искренне.

— Конечно, — просто ответил он.

Ло Си лег с края, положив голову на руки. Ханьчи устроился у стенки, внезапно осознав, что кровать стала ему тесновата — он изрядно вытянулся за эти годы.

— Тесновато... Вырос я, что ли? — Ханьчи покосился на профиль друга и не удержался от сравнения.

— Вообще-то, у меня ноги поджаты, — с легким превосходством заметил Ло Си.

Ханьчи мигом подскочил.

— А ну встань!

Они встали лицом к лицу. Ханьчи провел рукой над макушками и издал стон разочарования.

— Ты... ты... как ты смеешь быть выше меня?!

Для Ханьчи это был сокрушительный удар. Пусть разница была крохотной, но факт оставался фактом.

— Если не ляжешь спать, совсем перестанешь расти, — поддразнил его Ло Си, натягивая одеяло. Ханьчи всё ещё ворчал, переживая из-за утраченного лидерства, как вдруг тот ловко завернул его в одеяло, словно кокон, и прижал к кровати. — Спи уже.

— Ну и ладно... — Ханьчи, притихнув, почти сразу засопел.

— Всё не так просто, как ты думаешь, — прошептал Ло Си в пустоту комнаты, уткнувшись лицом в подушку.

Пусть прошло не три года, а целое столетие — для Мо Ханьчи это был самый лучший сон в жизни. Родная постель, знакомые запахи, за стеной — отец и мать, рядом — лучший друг, а в соседней комнате — «невеста». Будь у него ещё и сын вроде Бай У, он был бы абсолютно счастлив. Сейчас он желал лишь одного: стать достаточно сильным, чтобы защитить этот хрупкий, обретенный вновь мир.